

О новейших критических замечаниях на "Историю государства Российского", сочиненную Карамзиным

Статья 1

Карамзин: pro et contra / Сост., вступ. ст. Л. А. Сапченко. -- СПб.: РХГА, 2006.
OCR Бычков М.Н.

Долго ожидали мы Истории отечественной, сочиняемой Карамзиным, долго занимался сей почтенный муж важным творением, которому суждено было первое место в российской литературе. И вот уже совершилось восемь лет, как сей памятник ума и познаний историографа представлен суду ученого света!

Русская литература не составляет, подобно другим европейским литературам, одного общего поприща: донныне мы отделены от Европы. Язык богатый, но малоизвестный и трудный к изучению, препятствует европейским ученым освещать нашу литературу светильником критики. По переводам, не дающим понятия о силе, важности и степени достоинства наших творений, иностранцы не могут судить о нас. Но в истории русской они могли бы заняться отдельно, не литературою, но историческою критикою? И здесь важные препятствия!

Если бы русская история составляла одно общее с европейскою историею, она подошла бы под размер критики общей; но с самого начала отделенная от Европы, не имевшая непосредственной связи с другими странами, Россия до XVIII века составляла особый мир. Польша, Венгрия и Турция, всегда замешанные в выгоды и невыгоды европейской политики, составляли, так сказать, оплот, чрез который другие европейцы проходили иногда посмотреть на Русь и рассказать потом землякам своим о диковинках, там виденных. К такому отделению России от Европы приучились и историки европейские.

В наше время надобно бы с высшей точки зрения смотреть на всеобщую историю; но, к сожалению, донныне не было еще такого историка, который, описывая историю Европы и Азии, дал бы надлежащее место России в своем творении.

История русская донныне составляет у европейцев отдельный предмет внимания некоторых ученых людей; но число их, и было и есть, небольшое.

Сии люди могли бы дать надлежащую цену творению Карамзина, но они не имеют потребных пособий. Это и отдельность истории нашей от истории европейской произвели то, что европейские ученые ограничились поверхностным взглядом на труд историографа, согласно сказали, что до сего времени они не знали творения, столь хорошо изображающего историю русскую -- и тем кончилось!

Но сказать, что одна книга лучше другой, не значит еще определить существенное ее достоинство. Здесь требуется, чтобы важность творения показана была не относительным, но положительным образом. Европейцы не могли этого сделать; надобно было заняться подобным показанием русскому критику.

Творение, выходящее из круга обыкновенных новостей литературных, может служить мерою народной литературы. Когда Робертсон¹ издал свою Историю Карла V, современные литераторы показали, что в общем объеме они не отстали от Робертсона. История Карамзина показала пример противного.

Правда, творение Карамзина, блистая яркими самоцветными красками, обратило на себя внимание соотечественников: но это не было внимание просвещенного, опытного любопытства, но удивление детей на диковинку невиданную. Прежде всего раздался голос литературных простолюдинов. Журналисты в обыкновенных выражениях возвестили появление Истории; критики, изумленные явлением новым в нашей литературе, с удивлением передавали друг другу неопределенные похвалы. Мнение, что История государства Российского творение превосходное и прекрасное, составилось; но как апофеоз римлян не давал человеку, принятому в число полубогов, прав на имя великого человека -- так и творение Карамзина, хвалимое безусловно и безотчетно, не получало чрез то прав на славу. Голос толпы дает известность: слава есть приговор немногих избранных судей, и их утверждение решает достоинство писателя.

И в Европе, так же, как у нас, творение замечательное прежде всего получает известность от общего приговора, но вслед за сим слышан бывает приговор знатоков, критиков избранных, и писатель, выдержав их строгий суд, уверяется уже в достоинстве своего творения. Часто оба приговора разнятся

А